

александр щипков

СОБОРНЫЙ ДВОР

публицистические
статьи:

1991—2001

гильдия
религиозной
журналистики
МЕДИАСОЮЗ

Александр Владимирович Щипков

Соборный двор

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12157345
Соборный двор: Пробел; Москва; 2003
ISBN 5-901-683-64-1

Аннотация

Собранные в книге статьи о церкви, вере, религии и их пересечения с политикой не укладываются в какой-либо единый ряд – перед нами жанровая и стилистическая мозаика: статьи, в которых поднимаются вопросы теории, этнографические отчеты, интервью, эссе, жанровые зарисовки, назидательные сказки, в которых рассказчик как бы уходит в сторону и выносит на суд читателя своих героев, располагая их в некоем условном, не хронологическом времени – между стилистикой 19 века и фактологией конца 20-го. Не менее разнообразны и темы: религиозная ситуация в различных регионах страны, портреты примечательных людей, встретившихся автору, взаимоотношение государства и церкви, десакрализация политики и политизация религии, христианство и биоэтика, православный рок-н-ролл, комментарии к статистическим данным, суть и задачи религиозной журналистики... Книга будет интересна всем, кто любит разбираться в нюансах религиозно-политической жизни наших современников и полезна как студентам, севшим

за курсовую работу, так и специалистам, обременённым научными степенями. Потому что «Соборный двор» – это кладёзь тонких наблюдений за религиозной жизнью русских людей и умных комментариев к этим наблюдениям.

Содержание

Предисловие	6
От автора	16
Огородников и другие: как это было	18
Если у Огородникова было обрывочное самообразование, то Володя получил прекрасное систематическое образование, закончил ленинградский университет, он настоящий филолог. И когда Огородников предложил издавать журнал, за это, естественно, вплотную взялись именно они – Саша и Володя. Это был второй очень важный организационный момент. Первый – дом, и второй – журнал. Журнал это уже серьезная работа, серьезная заявка. Название журналу очень быстро придумал Саша – «Община». Многие, помню, тогда были недовольны: как-то некрасиво – «Община», можно было назвать и поярче. А по сути это название совершенно точно отражало то, что у нас было. Это был никакой не семинар, это, конечно же, была община (просто так уж в историю наша группа вошла как «семинар Огородникова»). Редактором журнала –	28

помню, тогда это был великий спор – хотел быть Валера Борщев. Среди нас он был единственным профессиональным журналистом. Но Саша, конечно, не уступил ему редакторского кресла. Вернее сказать – табуретки. Никаких кресел у нас и в помине не было. Валера очень обиделся, но жизнь и время лечат любые раны. А литературной частью «Общины» ведал блестящий поэт – Олег Охупкин. В его питерской квартире мы ежегодно проводили «Гумилевские чтения». Олег отличался от нас – он с детства воспитывался в церкви и был православным «от корня». В юности на его религиозность сильно повлиял знаменитый астроном Николай Козырев...

Православная провинция. Петрозаводск

45

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Александр Щипков

Соборный двор

Предисловие

Религия в России больше, чем религия
Лев Митрохин, академик РАН

После развала СССР тема религии стала одной из приоритетных. О ней высказывались, кажется, все – от серьезных специалистов до бойких журналистов, склонных к сенсациям. И вот книга А. В. Щипкова – если не ошибаюсь, первый сборник журналистских (не проповеднических, исторических или теоретико-философских) публикаций о религии. Это хороший повод для того, чтобы поразмышлять о роли mass media в создании религиозной ситуации, в которой мы сегодня пребываем.

Вспомним, как это начиналось. Политика гласности отозвалась потоком материалов о «белых пятнах» истории, которые проступали только цветом кровавым; произошел обвал всей системы официальных идолов и идеалов; с негодованием было отвергнуто репрессивное большевистское безбожие; в обществе воцарился тягостный духовный вакуум. В этой обстановке лишь религия могла восприни-

маться как мировоззрение, символизирующее полный разрыв с прежним тоталитаризмом, а вскоре и как панацея от всех социальных и моральных недугов. Не только религиозные, но и большинство светских авторов провозгласили лозунг «Без религии у России нет будущего». Наступило время страстного токования: «покаяние», «духовность», «святость». Сегодня мы живем в «светском государстве», где религия (прежде всего, православие) фигурирует как едва ли не как официальная идеология, как главный исток российской духовности и патриотизма.

Может показаться, что цепочка этих событий выстраивалась как бы автоматически, само собой. На самом деле, процесс, до сих пор безмятежно именуемый «перестройкой», уже на начальной стадии вышел из-под контроля его социологически малограмотных «инженеров». Поскольку сколько-нибудь ясное представление о том, как относиться к церкви и религии, у них отсутствовало, то официальная печать до последней возможности отстаивала догмы ленинско-сталинского атеизма.

Несколько забытых фактов. 30 июля 1986 года «Комсомольская правда» публикует статью И. Кривелева «Кокетничая с боженькой», в которой В. Астафьев, Ч. Айтматов, В. Быков торжественно уличаются в богоискательских грехах. Попытка Е. Евтушенко защитить коллег привела к появлению в газете (10.XII.86) статьи «Не вера, а знания» С. Калтахяна, который зачислил поэта в число тех, кто «не в ла-

ду с известными истинами марксизма-ленинизма и допускает мировоззренческую путаницу». Она вызвала острую дискуссию, и партия в своем директивном «органе» решает внести полную ясность. 28 сентября 1987 года «Правда» разразилась передовицей «Воспитывать убежденных атеистов», в которой говорилось: «Ленинский принцип классово-партийного подхода к религии как ложной от начала и до конца системе взглядов и сегодня остается в силе», и поэтому главная задача состоит в том, чтобы «наполнить все формы и средства атеистического воспитания глубоким политическим содержанием» (курсив мой – Л. М.). Ободренная такой поддержкой комсомольская газета публикует (21. X. 1987) боевитую статью журналистки Е. Лосото, в которой И. Крывелев и С. Калтахчян предстают в облике бестрепетных рыцарей в борьбе с новоявленными обскурантами. Эта инерция «воинствующего атеизма» действовала вплоть до развала КПСС.

Так что решительные сдвиги в религиозной ситуации, определялись не кремлевскими мыслителями, а преимущественно давлением «снизу», энергией mass media, вырвавшимися на свободу. И если сегодня мы констатируем серьезные достижения в обретении религиозной свободы, то не грех с благодарностью вспомнить о журналистских выступлениях «Огонька», «Литературной газеты», «Московских новостей» и многих других изданий, во многом формировавших общественное мнение и ревностно подталкиваю-

щих власти к реформам государственно-церковных отношений. В эти годы свои первые шаги на журналистском поприще делает и А. В. Щипков.

Моя встреча с ним приходится на начало 90-х годов. В 1993 г. Д. Фурман и С. Филатов, уже издавшие два солидных сборника («На пути к свободе совести» – 1989, «Религия и демократия» – 1993), предложили мне стать ответственным редактором третьего и передали объемистую (более 3 а. л.) рукопись А. В. Щипкова «Христианская демократия в России». Это была первая обстоятельная работа на предельно актуальную тему (разношерстные религиозно-политические организации в эти годы росли как грибы). Автор обобщил громадный фактический материал, прежде всего интервью с лидерами соответствующих партий и союзов. При этом он проявил теоретическую грамотность в объяснении сложившейся ситуации, в том числе и непреодолимых трудностей, с которыми столкнулись христианские демократы в традиционно православной стране. Короче говоря, это была удачная работа, и я не только опубликовал ее¹, но и предложил автору подготовить на ее основе кандидатскую диссертацию, которую А. В. Щипков успешно защитил в Институте философии РАН. (В скобках замечу, что удивлен, почему он не включил эту работу в сборник: она украсила бы его.).

Переиздание публицистических материалов – дело риско-

¹ Религия и политика в посткоммунистической России. М., 1994.

ванное. Журналистика – жанр оперативный, это определяет и ее преимущества, и ее недостатки. С одной стороны, она по горячим следам описывает и оценивает необычные, «отклоняющиеся» от нормы факты, рассказ о которых вызывает массовый интерес. С другой, они, так сказать, по своему определению недолговечны, их прежние оценки быстро теряют свою злободневность. Но в данном случае речь идет о религии, и здесь имеются некоторые тонкости.

Вот уже 15 лет мы живем в достаточно бестолковой религиозной ситуации. Кардинально меняется прежнее отношение к вере в Бога, выходят наружу десятилетиями копившиеся противоречия, лихорадочно, часто вслепую, без понимания долговременных последствий вводятся новые регламентации, которые вскоре отменяются, появляются, расцветают, а потом уходят на второй план ранее немыслимые религиозные образования, меняется сама география распространения религиозных объединений. Причем все эти сдвиги и противоречия далеки от завершения, и власти по-прежнему пользуются методом проб и ошибок. В этих условиях именно легкая на подъем журналистика способна не просто описать подвижную религиозную мозаику и ее причудливые метаморфозы, но и подсказать разумные, «цивилизованные» пути решения возникающих проблем.

И тогда далекие факты и эмоции вновь оживают, обретают злободневность в наших сегодняшних тревогах и размышлениях. Уже не новость, но еще не документ эпохи – в этом

зоре и живут сегодня, журналистские публикации, увидевшие свет за минувший десяток лет. Такое совмещение актуальности, предполагаемой самим жанром, с неактуальностью фактической дает эффект отстранения от них: мы смотрим не из той точки, в которой они были написаны, и невольно соотносим их с нынешней, уже изменившейся ситуацией. Тем более, что сегодня религия в России – нечто большее, чем просто религия, ее не отделить от многострадальной истории отечества, а поэтому вдумчивое описание недавнего религиозного прошлого – это рассказ о становлении нынешнего общества с ненавязчивыми подсказками на будущее. Так что публикация сборников лучших журналистских материалов – дело не только увлекательное, но и необходимое. Уверен, что это в полной мере относится и к книге Александра Щипкова.

В одном из своих писем ко мне А. Щипков не без добродушной самоиронии так повествует о предыстории данного сборника: «Меня немного потрепали власти советские. Но не смертельно. Пропустили через жернова мягкие: исключили из института, послали на перевоспитание служить в Туркестанский военный округ, обучили разным рабочим профессиям. Всё вещи полезные. А в конце 80-х потеплело, и я стал пописывать статейки в разные издания. Да и приистрастился к этому занятию. А позже неожиданно пригласили работать на Радио России, программы о религии делать. Тут меня Вы и заметили и благословили пообщаться

с людьми академической школы. Так и оказался я артистом разговорного жанра, с дипломом кандидата философских наук и непреодолимой тягой к письменным занятиям».

Во всех материалах зримо виден автор – самобытный, познавший по чем фунт лиха, но сохранивший какую-то детскую непосредственность и романтически-восторженное отношение и к жизни, и к своим делам в ней. Здесь, впрочем, мне особенно рассуждать нечего. В интервью «Огородников и другие: как это было» А. В. Щипков с подкупающей искренностью не только поведал о собственном пути в сочинительство, но и подсказал отличительные черты своего будущего стиля: категоричность оценок, лексическую изобретательность, сходную с игрой, чувство слова и юмора.

Я пишу не внутренний отзыв или рецензию, а что-то вроде доброго напутствия младшему коллеге, а поэтому удержусь от раздачи автору лавровых венков и розог. Каждый читатель волен распределять их по-своему. (Кстати, в примечаниях автор довольно трезво судит о качестве своих публикаций). Лишь несколько беглых дружеских соображений.

Собранные в книге статьи не укладываются в какой-либо единый ряд – перед нами жанровая и стилистическая мозаика: статьи, в которых поднимаются вопросы теории, этнографические отчеты, интервью, эссе, жанровые зарисовки, назидательные сказки, в которых рассказчик как бы уходит в сторону и выносит на суд читателя своих героев, располагая их в некоем условном, не хронологическом времени –

между стилистикой 19 века и фактологией конца 20-го. (Такова, к примеру, зарисовка «Епископ и муха», основанная на реальном факте).

Не менее разнообразны и темы: религиозная ситуация в различных регионах страны, портреты примечательных людей, встретившихся автору, взаимоотношение государства и церкви, десакрализация политики и политизация религии, христианство и биоэтика, православный рок-н-ролл, комментарии к статистическим данным, суть и задачи религиозной журналистики и т. д. Разумеется, сегодня эти материалы не выглядят равноценными.

Наиболее удачны, на мой взгляд, основанные на личных встречах характеристики религиозной ситуации в различных регионах (на Украине, в Белоруссии, Грузии, Карелии, Якутии и т. д.), портреты видных религиозных деятелей, например, митрополита Иоанна (Снычева), архимандрита Зинова, критические выступления против людей, равнодушных к судьбам церкви (а значит и верующих) или искажающих православное кредо. Излишне инструктивной и не во всем убедительной выглядит статья (1993) «Тоталитарные секты» (едва ли главное средство против влияния религиозных культов – это «сомнение», Церковь Муна и Общество сознания Кришны существенно различаются между собой и т. д. Здесь, по-видимому сказался пафос православных авторов, которые и баптизм обличают как «секту»). В то же время материалы о Богородичном центре и Белом

Братстве написаны живо и читаются с интересом.

Как председатель Гильдии религиозной журналистики А. В. Щипков чувствует себя ответственным за солидное теоретическое разъяснение дела, которым он занимается, за подъем престижа религиозной журналистики. Думаю, что он прав: пока эти «статьи несовершенно», в них «слишком много эмоций» и споры на эту тему следует продолжать. Я могу лишь пожелать ему успеха, хотя и сейчас автор выявил целый ряд содержательных тонкостей и нюансов.

Кстати сказать, внимательный читатель заметит, что взгляды самого автора за минувшие годы претерпели определенную эволюцию. Если раньше он ратовал за полную религиозную свободу, то теперь отстаивает необходимость разумного контроля и даже предлагает создать при администрации президента РФ светский Департамент по культам в качестве органа, вырабатывающего стратегию в области религиозной политики.

Можно согласиться с А. В. Щипковым: для регулирования сложных государственно-церковных отношений сама по себе регистрационная система недостаточна. Ссылаясь на опыт Грузии и Армении, он выступает за «конкордатную» систему взаимоотношений между государством и религиозными организациями, при которой обе стороны берут на себя определенные обязательства. Против такой идеи возразить трудно. Однако, возникают опасения, не получится ли так, что власть получит возможность наделять пра-

вами (или отбирать право) у организаций по собственному усмотрению? Выведет ли подобное соглашение из тени все еще непрозрачные для общества отношения между светскими и церковными властями, или только послужит ущемлению прав «нетрадиционных конфессий»? Все эти вопросы надлежит решать юристам, но сама постановка вопроса, безусловно, перспективна.

Одним словом, А. В. Щипков – автор компетентный, искренний, увлекающийся, изобретательный, склонный к эпатажу и жанровому озорству; его материалы переносят нас в мир недавних «перестроечных» переживаний и эмоций, так или иначе перекликающихся с нынешними тревогами; в них много поучительного для каждого, кто всерьез озабочен будущим России.

28 августа 2002 года.

Академик Российской академии наук

Л. Н. Митрохин.

От автора

В книжку «Соборный двор» включены статьи, написанные в 1991–2001 годах. Они писались по горячим следам протекавших событий и потому с одной стороны отражают религиозную жизнь страны этого периода, с другой – сами являются частью этой жизни.

Статьи разные. По темам, по жанрам, по стилистике. Публицистика, социологические очерки, интервью, фельетоны, тексты сценарных планов для радиопрограммы «Во что верит Россия», которую я веду с 1996 года на Радио России.

Темы меня интересовали разные, но все они, так или иначе, были связаны с религиозной тематикой: церковь и общество, новые религиозные движения, национальное язычество, христианские партии, государственно-церковные отношения, проблемы русской религиозной журналистики.

От разношерстности тем – и название книжки. Если меня спросить, какой бы эпиграф я выбрал к «Соборному двору», то я бы, пожалуй, остановился на цитате из замечательного армянского поэта и богослова Григора Нарекаци:

«Добрый и злым,
Боязливым и храбрым,
Мужчинам и женщинам,
Повелителям и подвластным,
Дьяконам благонравным,

Священникам благочестивым,
Епископам неусыпным и попечительным,
Наместникам Божиим на престоле патриаршем,
Кои раздают дары благодати и рукополагают.
Всем им подношу я книгу свою.»

А.Щ.

Огородников и другие: как это было

Интервью журналу «Истина и жизнь»²

Опубликовано: Журнал «Истина и жизнь». – 1998. – № 8.

Свящ. Александр Хмельницкий: Как и когда возник Христианский семинар?

Александр Щипков: Семинар был организован в первой половине семидесятых годов. Не за один день, не за один месяц. Инициатива исходила от Александра Огородникова, студента ВГИКА. «Семинаристы» в основном рекрутировались из круга духовных чад отца Дмитрия Дудко. В то время все было проще, нежели сейчас. Нам не требовалась регистрация, печать, «крыша». Мы организовались простым самопровозглашением, «печатью» нам были длинные волосы и троекратное целование при встрече, а «крышей» – Господь Бог.

Вокруг отца Дмитрия Дудко крутилось довольно много православной и околоправославной молодежи. Надо сказать, что его приходская община не была так четко организова-

² Тема интервью – рассказ о подпольном Христианском семинаре, который существовал в Москве в 70-е годы. Вопросы задавал главный редактор журнала «Истина и жизнь» свящ. Александр Хмельницкий.

на и структурирована, как, скажем, общинные группы отца Александра Меня. Мы съезжались в подмосковные деревни Кабаново, затем Гребнево, где служил отец Дмитрий, на субботу и воскресенье, порой до ста пятидесяти человек набивалось в избушку. Вечером долго вычитывали правила, исповедовались, наутро – литургия; основное общение протекало за трапезами, переходящими в долгие разговоры. Здесь мы знакомились, здесь завязывалась дружба, возникали симпатии и антипатии, здесь рождались всевозможные идеи. В том числе и идея создать некий «семинар» для самообразования. Ведь для большинства из нас дорога в духовную семинарию была закрыта, так как на всех чадах отца Дмитрия стоял «антисоветский» штамп.

Ну, а вы-то в это время в Питере жили?

Нет. В Питер мы с семьёй вернулись в 80-м году, а в то время жили в Смоленске. И попал я к отцу Дмитрию совершенно случайно. Услышал по «вражьему голосу», что есть такой замечательный священник в Москве, который не боится советской власти, и мне было очень любопытно. Я был школьником-десятиклассником и на зимние каникулы приехал в Москву, погостить у маминой подруги, поболтать по Кремлю, Третьяковке, ну, что положено делать примерно мальчику из интеллигентной семьи, а сам потихоньку поехал в Кабаново. Просто посмотреть на «антисоветского» батюшку. Все антисоветское привлекало меня, усиливало юношеские романтические устремления и давало ощу-

щение свободы. Я был совершенно нецерковный, нерелигиозный мальчик, но наша семья была критически настроена к советской власти, и я восхищался всякими героями, которые боролись и которых сажали в тюрьмы.

Приехал я в Кабаново в зимний солнечный, морозный день. Маленькая деревянная церковка. Попал на венчание немолодой уже пары, почти пожилой, как мне казалось тогда, – им было лет по сорок. К моему удивлению, меня не выгнали. Отец Дмитрий спросил, крещен ли я и, получив утвердительный ответ, сказал: бери венец и становись за женихом – шафером будешь. Я взял венец и навсегда остался в Церкви. Конечно же, позже пришлось пережить крутую ломку. Ощущение Бога давило меня, пугало. Это случилось так внезапно, что я пытался стряхнуть с себя веру и вернуться в прошлое привычное состояние. Потом понял, что это невозможно, и мне стало страшно – я осознал нутром, что стал другим. Никакие сформулированные богословами термины, ни «преображение», ни «метанойя», ни «рождение свыше», не могут передать того состояния, оно не поддается рефлексии. Сочетание несочетаемых ощущений – блаженной полноты существования, ужаса от присутствия рядом некой громадной божественной силы и полного раскрепощения, полной свободы. Той свободы, к которой рвался, и которую получил совсем в ином облике.

Я всегда вспоминаю отца Дмитрия с любовью и благодарностью. Надо сказать, что он никого не принуждал, ни на ко-

го не давил. Авторитаризма не было. Сейчас некоторые говорят, что он был достаточно жесткий человек, но на себе я этого никогда не испытывал. А параллельно шла совсем другая жизнь: школа, затем институт, субботники, танцы, стройотряды...

Тогда же вы познакомились и с Александром Огородниковым?

Да. К тому времени Саша уже был воцерковленным христианином и прошел свой путь. В юности он был убежденным ленинцем, комсомольским лидером в маленьком татарском городке Чистополе, но всегда находился в каком-то энергичном поиске своего места. Учился в разных вузах страны. Он всегда был склонен к самоорганизации и к организации вокруг себя людей, в нем есть некая административная жилка. По крайней мере, была тогда. И когда он проделал свой сложный путь и попал в Церковь, то и здесь он пытался что-то организовать. После комсомола он увлекся движением хиппи, путешествовал по стране автостопом, ездил на хипповые тусовки в Прибалтику. Снимал фильмы о хиппи. За это его, если я не путаю, и выгнали из ВГИКа. Все мы тогда были немного хиппи, немного монархисты: носили длинные волосы и косоворотки, не очень понимая, где в нас русская часть, а где – западная.

Именно Саша предложил организовать семинар для самообразования и для того, чтобы осмыслить собственное появление в Православной церкви. Это был первый шаг, на кото-

рый довольно много народа откликнулось, потому что учиться нам было негде. И мы читали друг другу лекции. Все это имело на первом этапе доморощенный вид. Прочитает человек книжку, и как в институте на семинаре: прочитал – рассказал товарищам. Но на самом деле на нашем семинаре это было не главное, это была только форма. Главным же было общение, бессонные чаепития, притирка друг к другу. В действительности мы были втянуты в процесс организации христианской общины, и сами не сразу это осознали. Это был процесс воцерковления и опыт христианской любви. Опыт, который наложил на нас отпечаток на всю последующую жизнь.

Но община наша жила без священника. Формально мы все были около отца Дмитрия Дудко, но он относился к инициативе чрезвычайно моторного Огородникова с некоторой настороженностью. Может быть, тут отчасти ревность была, отчасти – опасение за наши судьбы. Помню, как отец Дмитрий долго уговаривал меня не лезть под колеса системы, завершить учебу в институте, получить образование и диплом, чего так и не получилось в конце концов – выгнали перед госэкзаменами. Возможно, он чувствовал свою ответственность и пытался нас удержать от излишней горячности. А мы, конечно, лезли на рожон, и нам хотелось лезть на рожон, доставляло удовольствие. Кроме того, отца Дмитрия не могли не шокировать наши юношеские проделки. Например, в дворницкой на проспекте Мира, где работал и жил Саша,

по его сценарию был поставлен балет «Ленин – супер стар». Негры, перепоясанные пулеметными лентами, изображали большевиков. Они танцевали с большевичками – большевички были одеты в красные колготки и густо дымили «Беломором». Па-де-труа Ленин-Крупская-Дзержинский доводил публику до истерического хохота, а заключительный вынос тела вождя сопровождался пуском сероводорода из специальных пузырьков. Говорят, что в аду преобладает именно этот запах...

В конце концов у нас сформировалась настоящая община. Мы собирались достаточно часто, минимум раз в месяц, из разных городов: из Минска, из Смоленска, из Витебска, из Петербурга, из Уфы, из Москвы. И у нас было ощущение кипения жизни и ощущение, что вся Россия вместе с нами.

Реально всех находил и собирал Огородников. Он невероятно талантливый, яркий и артистичный человек. Если он передает тебе «поклон от почаевских монахов», так это не на словах поклон – падает на колени, и бах! – лбом об пол. Тут, вам покажется, элемент театра, но это не было театром, это не было искусственным или наигранным, это все было живо. Мы входили в новые роли, потому что мы пришли в Церковь, в совершенно иной мир, где люди иначе разговаривают, иначе ходят, иначе одеваются, иначе думают, они не такие, каков окружающий нас «красный мир». Вот эта антисоветская, а за ней скрывалась неотрефлексированная антиэтатисткая, составляющая была для многих не менее

объемна, чем религиозная. И в этом нет ничего ни странного, ни предосудительного. Вспомните, ведь и православные катакомбники, и баптисты-инициативники идею советского антихристового государства поднимали до религиозного уровня. Мы ощущали, что наше призвание – не походить на окружающий нас мир.

Никакой жесткой структуры в Семинаре не было. Никакого членства. Большею частью мы собирались по разным квартирам в Москве. Иногда в Питере, иногда в нашей смоленской квартире. Будущий историк вправе будет написать, что в Смоленске находилось отделение подпольной православной организации «Семинар». На самом же деле живая жизнь гораздо милее и прозаичнее. Просто в нашей квартире собирались мамины ученики (она преподавала французский язык в педагогическом институте), приходили мои друзья-студенты, к Любе, моей жене, приходили подруги. То мы занимались латынью, то читали «Лебединый стан» или «Реквием», а попутно шли разговоры. Позже устраивали библейские чтения. И все это по-домашнему, попросту. В общем, это были традиционные кухонные посиделки, но мы остро ощущали причастность к общему делу. Семинар был не столько организацией, сколько общением. А вот когда во второй половине 70-х мы купили дом, это уже, конечно, был серьезный шаг в организационную сторону.

Дом покупали в складчину, но основную сумму нам дали монахи Почаевского монастыря. Дом находился в Калинин-

ской области, теперь Тверской, на станции Редкино. Это был очень интересный дом: старый, большой, рубленый деревянный дом, на котором висела мраморная мемориальная доска с надписью, рассказывающей о том, что в этом доме жил художник, если мне не изменяет память, академик Творожников. Это обстоятельство придавало нашему дому какой-то определенный шарм. Мы мечтали повесить на коньке трехцветный российский флаг и объявить маленькую свободную территорию в 15 соток, где мы живем сами по себе. Вот наш дом, вот наш забор, вот наш сарай, огород, малина, и здесь мы собираемся на наш Семинар. И с тех пор мы собирались только в этом доме.

В тот период вот это и была наша Церковь – наша община. Все мы были православными, все ходили в храмы, все причащались, но поскольку реально-то приходской жизни в Церкви не было, то вот это и была такая наша молодежная форма приходской жизни. Хотя среди членов Семинара были и зрелые люди. Например, моей маме было уже за сорок...

Саша мечтал поднять уровень нашего семинара, скажем, пытался пригласить С. Аверинцева, И. Шафаревича в Редкино читать нам лекции, но они уклонились от приглашений. Позже, уже в начале 80-х в Москве и Питере появились группы, где образовательная работа была поставлена более основательно, была более законспирирована, с нормально разработанными учебными программами. И издание самиздатской богословской литературы в 80-е было налажено по-

чти профессионально. А в первой половине 70-х это все еще только назревало. Огородников был одним из первых. Именно он придумал сам термин «семинары», и мы себя в шутку называли «семинаристы», хотя, повторяю, образовательный момент был далеко не главным. Для меня самое главное было – форма православной общинной жизни. А в церковь мы ходили пешком в соседнюю деревню...

И власти вас, похоже, не трогали?

Постепенно стали трогать. Так или иначе возникали какие-то неприятности то у одного, то у другого. Больше всех, конечно, у Саши, поскольку он был организатором. Задним числом, четверть века спустя, нужно смотреть на ситуацию более трезво. Конечно, власти нам дали попрыгать какое-то время. То была «хельсинкская» пора, и власти вынуждены были дать стране маленький люфт...

Вторым по значимости человеком в Семинаре был ленинградский филолог Владимир Пореш. Он родом из Смоленска и учился у моей мамы. Затем переехал в Питер и работал в «бане», т. е. в Библиотеке Академии наук. С Огородниковым они познакомились при следующих обстоятельствах. Стоял Пореш на Невском проспекте: борода, длинные волосы и джинсы. Навстречу идет человек – тоже борода, тоже длинные волосы, тоже джинсы. Подходит и спрашивает Пореша: «Вы антисоветчик?» – «Да». – «Можно у вас переночевать?». Это был Огородников. Они с Порешем стали большими друзьями. Это Сашина черта – он умеет находить лю-

дей.

Просто вот так интуитивно, по внешности?

А почему нет? Сегодня труднее, но все равно православного и кришнаита выделите из толпы без большого усилия. А в 70-е годы ошибиться было практически невозможно...

Если у Огородникова было обрывочное самообразование, то Володя получил прекрасное систематическое образование, закончил ленинградский университет, он настоящий филолог. И когда Огородников предложил издавать журнал, за это, естественно, вплотную взялись именно они – Саша и Володя. Это был второй очень важный организационный момент. Первый – дом, и второй – журнал. Журнал это уже серьезная работа, серьезная заявка. Название журналу очень быстро придумал Саша – «Община». Многие, помню, тогда были недовольны: как-то некрасиво – «Община», можно было назвать и по-другому. А по сути

Нет. Были и еще моложе меня. Например, Сережа Ерма-
лаев. Четыре года отсидел парень...

А по составу?

Вообще-то, вокруг Семинара было много временных лю-
дей, случайных и странных: стукачей, бродячих странни-
ков, появлялись катакомбные христиане из ИПЦ, приезжали
баптисты-инициативники. В ту пору мы открыли для себя
громадный религиозный мир России. Я, например, до это-
го не отличал баптиста-инициативника от баптиста из ВСЕ-
ХБ. Потом понял разницу... Разумеется, мы предпочита-
ли общаться с инициативниками, потому что они занимали
четкую позицию по отношению к режиму. Вот сейчас возь-
мите, скажем, какого-нибудь «крутого» катакомбника, ко-
торый не признает Московскую Патриархию, при этом он,
конечно же, монархист, ярый антиэкуменист и считает про-
тестантизм отвратительной ересью. Представим, что пе-
ред ним стоит выбор: с кем общаться – с патриархийным
священником или с баптистом-инициативником. Конечно,
он будет общаться с баптистом-инициативником или с ка-
ким-нибудь старообрядцем, который не признает государ-
ство. Что для настоящего катакомбника, что для старовера,
что для инициативника – и Ленин был антихристом, и Бреж-
нев, и Ельцин – антихрист. И любое государство – антихри-
стово. Это их объединяет.

Тогда шло налаживание первых контактов, знакомств.
Некоторые связи сохранились до сих пор. Скажем, моя мама

находилась а заключении под Уссурийском в одной колонии с Галей Вильчинской, девушкой из очень известной семьи баптистов-инициативников. Так её братья, а опыт лагерный у них был огромный, очень много мне помогали советами, учили писать тайными чернилами (до сих пор рецепт помню). Это показывало степень их доверия ко мне, православному: они мне даже такие секреты раскрывали. При этом мы всегда сохраняли определенную дистанцию – вместе не молились и при возникновении диалогов на богословские темы отстаивали православную точку зрения. Для меня такое общение и есть «экуменизм». К слову сказать, нынешние молодые православные консерваторы, рассуждающие о вреде экуменизма, даже не подозревают, что по сравнению с настоящими русскими протестантами они просто школьники, потому что самые жаркие антиэкуменисты, которых мне приходилось встречать в жизни, – это именно русские протестанты (сознательно не определяю деноминации, чтобы не вызывать бесполезных дискуссий). И богословски свой антиэкуменизм они объясняют гораздо внятнее...

Огородников, конечно, писал в своей жизни какие-то статьи, но реально он автор одного текста. Саша обидится на меня, но это так, он автор одного текста, на мой взгляд текста блестящего. Он написал Декларацию Семинара, которая была опубликована в нашем журнале «Община». В Декларации он выразил и наши взгляды, и наши эмоции, и наши настроения. Прочитирую:

«Грозные судьбоносные события, обрушившиеся на нашу Россию, вызвали насильственное уничтожение христианской культуры и общественной жизни, христианских основ и привели к пробуждению самых низменных инстинктов. Страшное моральное разложение народа, пьянство, волна дикого уголовно-хулиганского террора, залившего страхом ночные улицы российских городов, – итог социалистических экспериментов...

Мы бродим как проклятые в смраде больших городов по кладбищу и пепелищу нашей Родины. Ядовитый цинизм и ирония, предлагаемые нам миром как стиль отношений и способ выживания, разлагают наши души...

Наш комсомольский пафос и романтическая слепота были испытаны демонически-разрушительной силой жизни. Нас с детства учили, что красный цвет, цвет крови, лучший из цветов, и мы повязывали красные галстуки и вставляли под тяжелый бархат знамен. Мы вставляли в строй под мажорно-бодрящие звуки военно-физкультурных гимнов. И нас охватывало чувство соединенности с этим орущим стадом...

Живая государственная практика исходит из положения, что человек глуп, туп, не способен управлять собой и нуждается в строгой регламентации. За нас решают, как нам жить, что нам читать, что нам смотреть, что петь и даже с кем спать. Нам от рождения всей социалистической культурой дан цельный, законченный, абсолютно и по существу ложный образ мира...

Мы хотим излить на этих страницах нашу боль, и дать образ нашего мучительного пути, пути молодого человека от марксистской идеологии и безответственности атеизма на паперть Храма Божия...»

Сейчас к этому тексту могут отнести с иронией, но это будет несправедливо. В 70-е это прозвучало очень сильно. И когда Декларацию прочитали по «голосам», она произвела впечатление выстрела.

Судя по этому отрывку, это не столько религиозный, сколько какой-то политико-идеологический текст.

Да. А что было нашей религией? Какова была наша религиозность? Она такая и была. Это был замес каких-то наших представлений антисоветских, начально религиозных. Ну а что мы читали? Мало. На чем строилось все религиозное образование? На книге отца Дмитрия Дудко «О нашем уповании», на анонимном катехизисе, который, как выяснилось позже, написал отец Александр Мень, да на «Школе молитвы» владыки Антония Блума – вот три самых распространенных «самиздатских» текста, которые ходили по рукам и реально были нам доступны. В общем, это было маловато. В реальной жизни не бывает так, что вот мы пришли в церковь и на следующий день стали воцерковленными людьми, стали православными, это же длительный процесс. Наш Семинар был одной из форм воцерковления.

Я другое имел в виду. Даже если бы вы были сознательные, воцерковленные, активные, благочестивые православ-

ные, тем не менее для вас важнее были какие-то общественные, политические, социальные аспекты.

Важны, но не «важнее». Я, может быть, так сильно на них делаю акцент потому, что лично для меня это было так важно. Для других, может быть, другое, для каждого члена нашего семинара – свое. Но то, что мы не были тихими церковными мышами, это – однозначно. Мы отличались от тех, кто тихо совмещал советскую службу и церковь. Нам это казалось невозможным компромиссом. Мы ломали перегородку между Церковью и обществом. Это можно назвать героизмом, можно назвать эпатажем, но ни то, ни другое неверно. Скажем, я в открытую носил крест в институте, а во время школьной практики, когда кто-то из детей – не помню, по какому поводу – сказал, что Библии не существует, я на следующий день принес знаменитое патриархийное издание, очень дорогое, стоило 70 рублей, серые и зеленые были обложки. И я показал ее: как нет? – вот она. И дети, семиклассники, были в шоке. Это сейчас смешно, конечно, это мелочи какие-то были, но мы все время ломали вот эту перегородку. Покупка дома и издание журнала – это уже было, конечно, серьезное дело, а в общем-то, мы ничего не «ковали», ничего не организовывали, мы просто жили, но мы сами себе поставили цель: жить свободно, так, как мы хотим. Разумеется, и «Жить не по лжи» свою работу делала.

Потом мы женились, рожали детей, какие-то отношения устанавливались между женами, не всегда простые. У меня

родился сын Данила, у Володи Пореша – дочь Ольга, у Саша Огородникова – сын Дмитрий. Как-то у всех в одном, 1977 году.

Жизнь текла, дети рождались, и все продолжалось?

Да. И развивалось. История длинная и очень сложная. Что касается журнала, то первый номер был очень маленький, я его никогда в жизни не видал, потому что его Саша написал, попал в больницу и хранил под матрасом. Вот из-под матраса тот номер бесследно и исчез. За ним уже всюду шла слежка. В общем, украли этот номер. Не знаю, то ли КГБ, то ли случайно. Этот номер пропал навсегда. Это была тоненькая тетрабочка. Второй номер делался уже серьезнее. В нем мы попытались определить, кто мы такие, свое место, каждый написал какую-то заметочку. Надо сказать, что у Саша задолго до журнала была идея собрать сборник свидетельств «Как я пришел к вере». Интересная идея. Мы начали писать тексты, Саша их собирал, но все это было куда-то потеряно. А потом трансформировалось в идею журнала...

А журнал выходил как чей-то?

Семинара, т. е. это был журнал, представляющий наш семинар. Где-то к 77-му – 78-му году мы уже ощущали себя организацией, хотя, повторю, ни членства, ни взносов, никакого организационного начала не было.

И руководства не было?

И руководства не было. У нас был харизматический лидер – сам Саша Огородников. Ни выборов, ничего подобно-

го не было, конечно.

И никогда никому не приходило в голову создавать какую-то структуру?

Просто в голову не приходило. Нам приходило в голову, скажем, повесить на доме триколор российский или развести павлинов, чтобы они грациозно прохаживались по огороду.

Немного играли?

С одной стороны, действительно, была очень серьезная, напряженная внутренняя религиозная, духовная жизнь; с другой стороны, был какой-то элемент игры, элемент детективной, подпольной жизни, потому что действительно следили, и мы к этому уже начали привыкать, чувство опасности и осторожность притуплялись. Подпольную романтику мы пережили сполна. И погони были, и пересаживания с поезда на поезд, и фото пленки, и даже классическое раскачивание перед дверью электрички в метро: кто первый не выдержит и впрыгнет в закрывающиеся двери – ты или филер. Все было...

Вы, грубо говоря, играли в конспирацию или действительно убегали от топтунов?

От самых реальных живых филеров, ведь где-то незадолго до разгрома Семинара слежка была очень плотной. Помню, после исключения из института я работал на товарной станции грузчиком – так чекисты полный рабочий день маялись, наблюдая как я грузу вагоны.

На самом же деле для КГБ мы были просто... ну, как му-

раши – раздавить можно в шесть секунд. И все наши формы конспирации помогали слабо. Реально законспирироваться человек может только в одном случае – если он работает в одиночестве. Так, как делал Солженицын: сам написал, сам закопал, сам откопал. А знают два человека – все, пиши пропало. Не потому, что второй – стукач, а потому, что информация уже утеряна, улетела. А у нас, при нашей телефонной говорливости, ничего не хранилось в тайне. Знаменитый анекдот, «Ты съел пирожок, который я дал тебе на той неделе? – Какой пирожок? – Ну такой, синенький. – Синенький? Да съел, спасибо, очень понравился, могу вернуть», – это точно про нас. Хотя действительно у нас были ребята, которые уделяли этому очень большое внимание, очень любили эту игру. Например, на одном из семинаров один парень, Шура его звали, нам целую лекцию прочитал о конспирации. Единственный раз в своей жизни я слушал лекцию о конспирации: о том, как разрабатывать городские маршруты для ухода от «хвоста», как шифровать телефоны и так далее.

Записывать в зашифрованном виде?

Да. Разрабатывать какой-то код в голове, плюс-минус цифры. Некоторые целые записные книжки переписывали. Я к математике неспособный, поэтому даже и не пытался это делать. Да, с одной стороны – это была, конечно, игра, но с другой стороны, и следили всерьез, и сажали всерьез.

Значит, вы знали, что за вами уже идет наблюдение?

Да. К тому времени, в 1977-м году, за нами уже достаточно плотно смотрели, при том, что все мы страдали словонедержанием – все обсуждалось вслух. И чекисты прекрасно знали, что мы собираемся делать журнал «Община» и уже его готовим, что мы поехали в Смоленск, чтобы там его печатать, а не в Москве, где нас могут накрыть. Впрочем, в Смоленске так же легко журнал арестовали. Тираж был семь экземпляров, и его целиком забрали, да и вообще из дома вымели весь самиздат, кроме «Ракового корпуса», который Саша Огородников во время многочасового обыска не выпускал из рук, и книги И. Шафаревича «Социализм» – смоленским чекистам не пришло в голову, что книга с таким названием может быть антисоветской.

Вы о втором номере «Общины» говорите?

Да, о втором. Это был настоящий номер, толстый. Всего было три номера: первый, который исчез навсегда, и мы его даже не восстанавливали. Затем второй номер, арестованный в Смоленске. А когда Сашу посадили, Володя Пореш издал в Ленинграде третий номер «Общины». Я в это время уже был отправлен в Туркестанский военный округ строить Тюямуонскую гидроэлектростанцию на Амударье и того номера никогда не видел. Впрочем, его почти никто не видел, потому что он также был арестован. И если второй номер нам удалось восстановить, то третий так и лежит в архиве КГБ. Так что из трех номеров известность получил только второй. Когда его арестовали, мы, конечно, сразу попыта-

лись восстановить его по памяти, и потом где-то, у кого-то какие-то материалы были по городам разбросаны, в основном в Питере и Москве. И нам удалось его собрать и даже переснять на фото пленку. Потом эти пленки попали на Запад, где их частично напечатала Таня Горичева, для нас это было, естественно, большой поддержкой.

После журнала терпение ГБ кончилось, и всех стали разбрасывать. Первым исчез я, по простой причине: меня исключили из института и отправили в армию. Собственно, армия меня и спасла от посадки, потому что, когда я демобилизовался, арестованы были уже абсолютно все: моя мама – Щипкова Татьяна Николаевна, Александр Огородников, Владимир Пореш, Володя Бурцев, Сережа Ермолаев, Витя Папков, Лев Регельсон.

Что удивительно – мы никогда не критиковали Церковь. Не знаю почему, но нас это не интересовало, у нас практически никогда не было разговоров, скажем, о каких-то священниках, сотрудничающих с КГБ, хотя мы, конечно, знали об этом или, скажем, не могли не догадываться. Позже, в перестройку эта тема была в моде, а для нас это как бы не существовало, т. е. это никогда не было главным. Мы Церковь воспринимали как Церковь. Сейчас много пишут о том, что Церковь была пронизана КГБ и сейчас, возможно, пронизана, и это ставится чуть ли не в центральное место... Я понимаю необходимость покаяния и весь этот клубок вопросов, он действительно сложен, и его надо как-то решать,

но в ту пору для нас этого просто не существовало. Из моего рассказа может сложиться впечатление, что религиозная составляющая была где-то на втором плане, что очень много было политики, но на самом деле это было не так. Религиозная составляющая была очень сильна, и даже обостренный характер носила. Было чувство очень личного общения с Богом, Божьего присутствия, мы все время ощущали себя водимыми и в минуты опасности вызывали на помощь Небесные Силы, как такси.

Это благодаря тому, что вы общались, или это происходило у каждого отдельно?

И у каждого отдельно, и думаю, что наша совместная попытка общинной жизни этому очень способствовала. Надо сказать, собираясь вместе, мы много молились. Правила вычитывали железно, без сокращений – все по очереди. Молитвослов шел по рукам, т. е. каждый принимал участие в молитве – не просто слушал, но и какой-то кусок читал. И это при том, что многие из нас практически только учились читать по-славянски. Язык еще заплетался, было сложно. Так что это очень сильное было чувство. И оно было православным, а не каким-то харизматическим или протестантским. Для нас очень важен был порядок церковной жизни, посты мы соблюдали или старались соблюдать. Т. е. мы и внешнюю форму впитывали. И всякие чудеса – ну, такие маленькие чудеса – с нами часто происходили. Идешь на пасхальное богослужение (а молодежь ведь не пускают,

специальный комсомольский патруль, сами, отец Александр, помните), молишься, подходишь. «Куда идешь? – На службу. Мне можно. – Можно? Проходи». И все. Открываются двери, и тебя пропускают.

Помню, стою на том же пасхальном богослужении (а ведь вообще мужчин в храме мало было, а молодых ребят – и вообще почти никого). Сейчас будет крестный ход. Ко мне быстренько так подходит дьякон: «Зайди в алтарь». Я захожу. Стихари кладут на руки, владыка Феодосий, нынешний Омский, быстро благословляет, меня мгновенно облачают, дают какую-то хоругвь – ну, некому нести. У меня первая мысль: все! Сейчас я выйду и пойду вокруг храма, а завтра вылетаю из института. Но все проходит абсолютно незамеченным, хотя я на виду – прожектора, свечи. Это дома, в Смоленске было. Вот такие наши маленькие чудеса, которые тогда воспринимались как очень большие. А может быть, это и было большим чудом, хотя сейчас вспоминается с некоторой иронией.

Для каждого из нас, для нашей будущей жизни это был колоссальный опыт, и заслуга Огородникова здесь очевидна, хоть сейчас она как бы приуменьшена...

Был еще один период семинара – финальный, в 79-80-м годах, который для меня остался загадочным, потому что это было уже без меня. Это был период, который я условно, если когда-то буду «копать» и писать, назову периодом Льва Ре-

гельсона. Регельсона пригласил Огородников еще при мне, это было уже прямо перед изданием журнала, но я с ним общался мало. Он нам начал читать лекции, но я присутствовал только на одной. Он читал что-то по Ветхому Завету, какие-то невнятные магнитофонные копии сохранились в моем архиве, но, как известно, сапожник ходит босым, а у меня, редактора религиозных радиопрограмм, нет времени сесть за их расшифровку. Никто, судя по всему, не понимал, что делает Регельсон, но теперь, задним числом, мне кажется, что он подобрал себе уже готовую общину и уже готовую аудиторию для распространения каких-то своих идей. Мы его знали только как автора «Трагедии Русской Церкви», как героя, который написал блестящее письмо в защиту Солженицына. Регельсон был человеком невероятного, обволакивающего обаяния. Огородников сидел в тюрьме, и Лев фактически возглавлял Семинар того периода. Он своих целей явно не открывал, но сейчас в том, что он еретик, для меня никаких сомнений нет... В начале 90-х я пытался беседовать с ним на эту тему, но он уклонился от разговора. Возможно, он не хочет публично обсуждать свои идеи, возможно, ему мешает имидж «предателя», ведь из нашего окружения он был единственным, кто покаялся, не выдержал давления следствия. Все остальные вели себя чрезвычайно достойно. Это подтвердил мне Огородников, который, как «паровоз», имел возможность познакомиться со всеми протоколами наших допросов.

Мне очень трудно говорить о «регельсоновском периоде» Семинара, но он меня чрезвычайно интересует, поскольку, изучая современную религиозную жизнь России, я знаю, что все основные современные религиозные идеи и мифологемы возникли отнюдь не в перестройку, а задолго до нее. Регельсон, так же как и Якунин, и Эшлиман, и Капитанчук, принадлежал к кругу учеников ныне покойного Феликса Карелина и был во многом носителем его идей. Скажем, идея канонизации новомучеников принадлежит Феликсу Карелину, идея об экуменической ереси («никодимовщине») в РПЦ принадлежит Феликсу Карелину, идея о необходимости спасти Россию через воцерковление КПСС принадлежит Феликсу Карелину, и многие другие идеи, разобранные впоследствии как консерваторами, так и либералами. Именно Карелин вдохновил Якунина и Эшлимана написать знаменитое письмо в защиту церкви, вдохновил Регельсона написать «Трагедию Русской Церкви». Вместе с Карелиным Регельсон, Капитанчук и о. Николай Гайнов подписали письмо (не письмо, а трактат на 100 машинописных страниц!) Поместному Собору 1971 года, в котором критически анализировали «никодимовщину» в РПЦ. Странно, что и карелинские ученики, и сторонние историки умалчивают о Феликсе Карелине, хотя очевидно, что в качестве генератора идей он оказал на развитие Русской Церкви колоссальное влияние, превосходящее влияние таких крупных фигур, как о. Александр Мень, Анатолий Краснов-Левитин, Александр Солже-

ницын...

Возвратимся к нашему семинару. У Регельсона существовал набор идей, среди которых присутствовали эсхатологические мотивы. Лев, судя по всему, считал, что спастись можно только в определенном географическом месте. Его «Дивеевом» была Абхазия. Он дружил с Гамсахурдией и часто бывал в Грузии. Еще в 60-е они с Якуниным ездили причащаться в Грузию, считая безблагодатной Евхаристию в Московской Патриархии. Лев хотел создать на Новом Афоне некое поселение и выбрал наш Семинар в качестве готовой общины. Летом 79-го или 80-го года Семинар с Регельсоном даже выезжал в Абхазию на «летний отдых». Но опыт оказался неудачным. Перессорились. После публичного покаяния на суде и освобождения с Лубянки Регельсон приезжал к нам с Любой в Смоленск и долго уговаривал уехать жить в Абхазию. Он хотел купить там несколько домов и поселиться навсегда. Помню, меня поразило обилие специфической лексики – астрал, тонкий план, знаки зодиака... Мы с женой отказались от экстравагантных предложений. Но Лев все-таки не оставил Абхазию, и во время войны с Грузией я встречал его статьи и репортажи в защиту Абхазии. А недавно друзья из Грузии прислали мне маленькую абхазскую газетку, в которой Регельсон рассказывает о том, что Адам был сотворен именно на территории Абхазии, а народные верования абхазов сохранили некие элементы «перворелигии». Понять что-либо из этой газеты невозможно,

но там сказано, что Лев написал целую книгу о духовности абхазцев. Не могу ее найти.

Так что Семинар подстерегали две опасности: риск чрезмерной политизации и позже – риск сдвига в оккультную сторону. Разгром Семинара носил промыслительный характер. Я не боюсь говорить об этом вслух, потому что это правда и это уже история. История духовных исканий нашего поколения. Слава Богу, практически все остались в Церкви, обзавелись большими семьями, работают. Из Семинара вышли замечательные священники – отец Виктор Савик, отец Николай Епишев, отец Борис Развеев, отец Виктор Райш.

Что же дал вам всем семинар?

Характерная черта нашего семинара в том, что он не был элитным. Многие религиозные группы от страха и вынужденной конспирации становились элитными, закрытыми. О их существовании знали только они сами и КГБ. А у нас в Семинаре, благодаря Сашкиной широте, собиралась вся Россия, та Россия, которую называют провинциальной. Наш лозунг был прост: христианство, свобода, антикоммунизм. Семинар был для нас формой самообразования, формой общинной жизни, формой воцерковления, формой противостояния системе. А главное, что дал нам Семинар – опыт христианской любви, который невозможно пережить вне церковной общины.

Православная провинция. Петрозаводск

Статья написана в апреле 1994 г. По русски публикуется впервые. Опубликовано: Religion, State and Society – England – Oxford – 1997, vol. 25, 2

В конце прошлого века на левом берегу Ладожского озера, в карельском городе Сортавала скромный священник Сергей Окулов организовал православное братство во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Главной заботой братства была помощь православным финнам, не владевшим ни русским, ни церковно-славянским языками. В те времена православной литературы на финском языке не существовало, и редко кто из православного духовенства говорил по-фински.

Братство занималось переводами богослужебных текстов и издавало журнал «Заря», в котором на финском языке печатались статьи на богословские и нравственные темы. Плавное течение просветительской работы прерывалось то одной революцией, то другой. Прошло сто лет.

Республика Карелия со столицей в городе Петрозаводске расположена севернее Петербурга, вокруг громадных судоходных озер – Ладожского и Онежского. Помимо русских

здесь проживают карелы, вепсы и финны-ингерманландцы. Пограничное расположение Карелии, переходившей на протяжении истории то к шведам, то к русским, предопределило современную религиозную ситуацию. Для того чтобы верно истолковать взаимодействие религиозных течений и представить перспективу их возможного развития, следует описать конфессии, существующие на территории республики. Пожалуй, я начну с представления главы Петрозаводской епархии – епископа Петрозаводского и Олонецкого Мануила (Павлова).

Владыка Мануил начинал свою церковную карьеру в Ленинграде еще в 70-е годы, когда кафедру занимал митрополит Никодим (Ротов). В конце 70-х будущий епископ стажировался в экуменическом институте в Женеве, затем защитил диссертацию, затем преподавал в Ленинградской духовной академии, затем возглавил ее и был ректором в течение нескольких лет.

Будучи рукоположенным в 90-м году на Петрозаводскую кафедру, епископ Мануил получил абсолютно разоренное хозяйство – всего пять приходов на 170 тысяч квадратных карельских километров. К 1994 году он увеличил число приходов до 30-ти. В принципе это совсем немного. В среднем каждая русская православная епархия сегодня насчитывает до ста приходов. Такое отставание в темпах религиозного возрождения имеет свои причины и характерно не только для православия, но и для всех других конфессий. Ре-

лигиозные процессы идут в Карелии медленнее по сравнению с центральной Россией. Объясняется подобное отставание тем, что после установления советской власти Карелия наряду с Белоруссией, была объявлена экспериментальной зоной по искоренению религии из народного сознания. Уничтожение очагов веры проводилось здесь особенно тщательно и педантично. Последний православный храм в Петрозаводске был спешно закрыт властями летом 1941 года, очевидно, других проблем во время войны у карельских большевиков не было. В сороковые годы главные партийные посты в Карелии занимал Юрий Андропов. Он зорко следил за тем, чтобы жители Карелии пребывали в атеистическом состоянии. До сих пор одна из центральных улиц Петрозаводска носит его имя.

После ликвидации Совета по делам религий отношения между епископом Мануилом и местной властью складываются по принципу прямых связей. Епископ активно выступает в средствах массовой информации, и пользуясь авторитетом, заставляет чиновников считаться с собой. Власти Карелии способствуют восстановлению разрушенных храмов, выделяя средства из государственного бюджета. В 1994 году усердием епископа Мануила завершился первый этап восстановления кафедрального собора, освященного в честь благоверного князя Александра Невского. Сам Мануил не пытается вмешиваться в республиканскую политику и подчеркивает политический нейтралитет церкви. Будучи

избранным в 90-м году депутатом Карельского Верховного Совета, он через два года работы добровольно сложил с себя депутатские полномочия и заявил, что на личном опыте убедился в невозможности сочетать пастырские обязанности с политической деятельностью. Надо заметить, что это событие произошло задолго до известного постановления Священного Синода, запретившего духовенству баллотироваться на выборные государственные должности.

Положение православной епархии осложняется здесь, как и в других автономных краях и республиках, национальным пробуждением местных народов, которые находятся на распутье в вопросе религиозного выбора. Если финны-ингерманландцы традиционно сохраняют лютеранство и открыто не претендуют на расширение своей религиозной деятельности, то с карелами и вепсами дела обстоят сложнее.

Традиционно принято считать эти народы православно ориентированными, но фактически они, как и прочее население, религиозно индифферентны и открыты двум основным веяниям: лютеранству и православию. Лидеры национальных партий и движений подыскивают необходимое религиозное обрамление для будущего национального развития. Понятно, что рассматривать в этом ключе нетрадиционные или сектантские религиозные течения серьезные руководители не станут. Лидеры вепских общественных организаций склоняются к традиционному православию. Они умеренны в своих политических требованиях и планируют жить

в тесном союзе с русскими и Россией. Насколько мне известно, уже организована национальная вепская область на территории республики.

Некоторые лидеры национального карельского движения настроены более радикально. Внутри Карельского Конгресса, общественно-политического объединения карелов, в качестве возможного политического варианта обсуждается соединение с Финляндией.

Ориентируясь на тех политических деятелей в Финляндии, которые пропагандируют идеи расширения панфинского влияния, некоторые лидеры Карельского Конгресса не прочь поддержать официальное финское лютеранство. Можно предположить, что они будут способствовать распространению лютеранства среди карелов. Так, например, первый в истории этого народа перевод Евангелия на карельский язык осуществляется лютеранским Хельсинкским институтом перевода Библии. Характерно, что финны сохраняют авторское право на этот перевод и в дальнейшем смогут влиять на тираж и его распространение. Рано или поздно эта ситуация может привести к конфликту с православной епархией, перед которой с годами неизбежно встанет вопрос о частичном введении карельского языка в православное богослужение.

Однако распространению лютеранства среди карелов, самого многочисленного из местных финно-угорских народов, препятствуют два существенных фактора. К первому отно-

сются остатки местных языческих верований, которые сохранились в карельских деревнях в виде традиций и суеверий. Сегодня нельзя говорить о существовании карельского язычества, но опыт исследований, проведенных в республиках с развитым язычеством, например в Чувашии и Мари Эл, показывает, что национальное язычество может возникнуть в ближайшие год-два и вплестись в национальное движение.

В пользу этого прогноза говорит тот факт, что силами национальной профессуры уже сегодня проделана огромная работа по изучению народных верований. Они систематизированы, описаны, изучены и, можно сказать, – частично реконструированы. Более того, один из виднейших карельских этнографов – Юго Сурхаско, написавший о карельском язычестве десяток книг, изложил мне цельную философскую концепцию, согласно которой возродить нацию невозможно без возрождения семьи, построенной на религиозном поклонении предкам.

Помимо язычества распространению лютеранства в Карелии препятствуют Финляндская Православная Церковь (ФПЦ), состоящая не из финнов, как полагают многие, а из карелов, перешедших на финский язык богослужения, но сохранивших национальное чувство. Финляндская православная церковь возникла на базе тех приходов, что оказались на территории Финляндии после отделения ее от России. Эта церковь канонически подчиняется Константинопольскому патриарху. В Финляндии православие признается

второй после лютеранства государственной религией и финансируется государством. Если судить по последним статистическим данным, Финляндская Православная Церковь после периода застоя медленно начала увеличивать численность и завоевывать новые территории. Сегодня число православных финнов равняется 57 000 человек, что составляет 1,2 % всего населения Финляндии. В 1994 году в православие перешло более тысячи человек. Всего в Финляндии насчитывается 50 храмов, 100 часовен и два монастыря – мужской и женский.

Предстоятель Финляндской церкви архиепископ Иоанн (Ринне) носит титул архиепископа Карельского и всей Финляндии. По этой причине епископ Мануил носил до 1996 года титул «Петрозаводский и Олонецкий»³.

ФПЦ считает, что законная сфера ее влияния распространяется на всех карелов и на всю Карелию, и потому ведет наравне с протестантскими миссиями свою собственную проповедь. Мы наблюдаем уникальный случай православного «прозелитизма» в православной епархии. Ситуация отдаленно напоминает деятельность РПЦЗ на территории России и теоретически может завершиться конфликтом, кото-

³ В начале 1996 года разразился скандал вокруг православных приходов Эстонии, часть которых перешла в юрисдикцию Константинопольского патриарха. В тот момент Финская Православная Церковь поддержала эти приходы, чем вызвала раздражение Московской Патриархии. В июле 1996 года решением Синода титулатура епископа Мануила была изменена на епископа «Петрозаводского и Карельского».

рый помимо религиозного может приобрести и политическое звучание. С этой точки зрения роль местного правящего епископа увеличивается до серьезных политических размеров.

Православные финские священники приезжают из Финляндии в Карелию и крестят здесь своих обрусевших братьев. При этом крещение и другие таинства совершаются по-фински с синхронным переводом на современный русский язык. Легко представить, какое ужасное качество имеет этот перевод, но тем не менее, пока московская и петербургская церковная интеллектуальная элита спорит до хрипоты о целесообразности русификации славянского богослужения – финские православные миссионеры совершают это на практике.

Надо отдать должное мудрости епископа Мануила. Он, хотя и не обучался у иезуитов, совершил фантастический по остроумию канонический пируэт и сумел на время законсервировать зреющий конфликт. Испросив благословения у патриарха Алексия, он отправился с дружеским визитом в Финляндию и преподнес архиепископу Иоанну антиминс, на котором начертал свою подпись, и попросил, чтобы впредь, все самостоятельно приезжающие в Россию финские священники служили исключительно на этом антиминсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.